

УДК 81'22, 81'42
DOI 10.17223/18137083/71/23

К. И. Декатова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**Когнитивно-семиологический подход
к исследованию смыслообразования языковых единиц
в художественном тексте**

Статья посвящена описанию смыслообразования языковых единиц в художественном тексте. Отражены результаты исследования синергетического взаимодействия когнитивных и семантических структур в дискурсивном пространстве с использованием когнитивно-семиологического подхода. Этот подход позволяет анализировать процессы смыслового структурирования языкового знака с учетом особенностей его семантических модификаций, специфики содержания вербализируемой знаком концептуальной структуры, а также влияния контекста на когнитивно-семиологические процессы в ходе формирования содержания знака в художественном тексте. С использованием когнитивно-семиологического подхода исследуется смыслообразование повторяющегося в произведении В. Г. Попова «Чернильный ангел» фразеологизма *дружба народов*.

Ключевые слова: смыслообразование, художественный текст, семиологический анализ, концепт, дискурс.

Соотношение языковой системы и текста как объективации данной системы является одной из важных проблем современной теории текста. Мысль о том, что язык развивается в речи, стала лингвистической аксиомой. Нельзя не согласиться с утверждением З. Я. Тураевой, что языковая единица «живет не в системе, а в тексте», в котором она «включается в сеть взаимосвязанных и взаимозависимых средств выражения мысли и чувства» [1986, с. 31]. Данная «жизнь» нередко сопровождается структурно-семантическими модификациями, исследование которых приближает к пониманию многих тонкостей развития языка как сложной самоорганизующейся системы.

Художественный текст является хорошей почвой для исследований синергетических признаков единиц языковой системы, так как он «не только включает в себя самые различные в лингвистическом отношении явления, категории и модели общенародного литературного языка, <...> но и имеет особое, только ему

Декатова Кристина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (пр. им. В. И. Ленина, 27, Волгоград, 400066, Россия; dekatovaki@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 2
© К. И. Декатова, 2020

присущие черты» [Шанский, 2002, с. 4]. К этим чертам можно отнести функциональную специфику художественного текста и такую структурно-смысловую организацию, которая является благоприятной средой для рождения новых языковых единиц и преобразования уже существующих элементов языковой системы.

Художественный текст относят ко «вторичной моделирующей системе, так как в нем сочетаются отражение объективного мира и авторский вымысел» [Тураева, 1986, с. 13]. Это позволяет объяснить тот факт, что язык художественного текста «характеризуется неоднозначностью (амбивалентностью) семантики, множественностью интерпретаций.<...> В художественном тексте складываются особые отношения между тремя основными величинами – миром действительности, миром понятий и миром значений.<...> Эти особенности художественного текста и порождают семантическую многоплановость» [Там же, с. 14]. Анализ такой многоплановости литературного произведения встречается во многих лингвистических исследованиях: изучается смысловая организация художественного текста, его концептуальное, денотативное и эмотивное пространство, роль в актуализации содержания текста языковых средств (см. [Новиков, 1983; Черняховская, 1983; Шанский, 2002; Белова, 2008; Бабенко, Казарин, 2009; Болотнова, 2009] и др.).

Большое значение для лингвистики художественного текста имеют исследования структурно-семантической специфики языковых знаков, погруженных в литературное произведение (см. [Ларин, 1974; Виноградов, 1980; Шанский, 2002] и др.). В данных исследованиях основное внимание уделяется процессу семантического преобразования системного значения языковых единиц, но последовательно не рассматриваются вопросы о причинах их переосмысления, о роли когнитивных структур и дискурса в смыслообразовании слова как части художественного произведения. Как представляется, поиск ответов на эти вопросы может быть результативным, если использовать когнитивно-семиологический подход к исследованию языка художественного текста.

Для понимания сущности данного подхода важно отметить, что определение «семиологический» в нашем понимании не является синонимом терминологического определения «семиотический», как это происходит в работах многих исследователей знаковой сущности единиц языка, которые так же, как и Ф. де Соссюр, семантически отождествляют термины «семиология» и «семиотика» [Соссюр, 2004, с. 40]. В работах А.-Ж. Греймаса [2004], Ю. С. Степанова и Д. И. Эдельман [1976], А. А. Уфимцевой [1986], Н. Ф. Алефиренко [2006б], посвященных анализу проявления и видоизменения системного значения знака в дискурсивном пространстве, под семиологическими исследованиями подразумевается не анализ природы и сущности языкового знака в целом, а исследование его семантики в процессе функционирования в тексте, исследование смыслообразования знака в дискурсивном пространстве. Поэтому семиологические исследования Н. Ф. Алефиренко назвал изучением «процессуальной (дискурсивной) семантики» [2006а, с. 106].

Таким образом, семиологический анализ языка художественного текста не следует отождествлять с семиотическими исследованиями языка литературных произведений. Отличие заключается в том, что в ходе осмысления текста с использованием семиотического подхода художественное произведение подвергается анализу как знаковая система (см. [Гак, 1972а; 1972б; Барт, 1989; Лотман, 1998; Панченко и др., 2010] и др.). В центре внимания оказываются сложные отношения между планом содержания и планом выражения текста, иерархичность построения элементов означаемого и означающего текста, совмещение в тексте признаков знаков-индексов, знаков-символов, иконических знаков и метазнаков.

Семиотический подход к исследованию художественного произведения нацелен на создание семиотической картины текста.

Семиологическое исследование художественного текста позволяет достичь иной цели – осмыслить такое свойство текста, как его двойная кодировка. «В любом тексте присутствуют два кода (языка) – язык естественный и язык текста. Каждый знак в тексте реализует одновременно два значения: буквальное языковое и текстовое, появляющееся у этого элемента структуры только в пределах данного текста» [Панченко и др., 2010, с. 54]. Раскрыть особенности взаимодействия «виртуального значения» знака (семантической реализации знания) с когнитивной базой текста, его денотативно-эмотивным пространством и содержанием других знаков текста в ходе порождения «актуального значения» знака (семиологической реализации знания) – первостепенная задача семиологического анализа языка художественной литературы.

Нельзя сказать, что до применения семиологического подхода в лингвистических исследованиях текста формирование речевого смысла слова («актуального значения») в художественном произведении не привлекало внимание лингвистов. Эта задача давно весьма успешно решается во многих семасиологических исследованиях языка художественного текста (см. [Никитин, 1983; Бабенко, 1997; Белова, 2008; Колчина, 2010] и др.). Однако семасиологический анализ предполагает выявление особенностей семантической структуры языковой единицы, попадающей в художественное произведение, и не вскрывает когнитивно-дискурсивные факторы формирования этих особенностей. Данный пробел в исследовании смыслообразования знака могут устранить семиологические изыскания. Рассуждая о соотношении понятий «семиологический» и «семасиологический подход», Н. Ф. Алефиренко указал на их родство и отличительные признаки: «Конечно же, как бы ни стремились исследователи найти способы разграничения семиологии и семасиологии, важно не забывать и об их родстве. Семасиологический подход родственен семантическому уже тем, что также обращен к содержательному аспекту языкового знака. Специфика же его – в ориентации на внутреннюю структуру языкового значения. В его активе такие понятия, как семантема, семема, сема и т. п. От семасиологического подхода семиологический отличается тем, что при его использовании в центре внимания находятся человек как интерпретатор результатов мыслительного отражения действительности и центр лингвосемиозиса» [2006а, с. 107–108]. Соглашаясь с мнением ученого, хотелось бы добавить, что семиологический подход предполагает опору на методики анализа содержательной стороны знака, которые активно используются в семасиологических исследованиях. Это связано с тем, что изучение семантических преобразований (динамики семантической структуры) знака в тексте невозможно без сопоставления структуры его системного (языкового, «виртуального») значения и структуры речевого смысла (контекстного, «актуального» значения). Однако данная аналитическая работа является лишь первым шагом в рамках семиологических исследований, которые проводятся для того, чтобы понять, как и почему изменяется системное значение в художественном тексте, каковы источники новых смыслов, какова роль текста, дискурса в порождении нового содержания языкового знака, что способствует пониманию этого содержания, каковы когнитивные причины тех или иных интерпретаций «обновленного» знака. Например, в процессе семиологического анализа языковой единицы *волкодав* – ‘верные, сильные, невозмутимые, опасные для врагов агенты-охранники’, функционирующей в произведении Б. Акунина «Черный город», важным оказывается не только выявление результата модификации ее словарного значения ‘крупные собаки, используемые для охоты на волков’, но и определение источников новых элементов в структуре речевого смысла слова. Новообразованные смыслы ‘верные’, ‘сильные’, ‘невозмутимые’, ‘опасные для врагов’, ставшие ядерными компонентами семемы слова

волкодавы, генетически связаны со знанием о характере породы собак [Палмер, 1999; Высоцкий, Высоцкая, 2004]. Смысловые элементы 'люди', 'охранники', 'агенты' активируются в рамках концептуальной структуры текста. Эти два источника смыслов делают смысловую структуру слова уникальной, устойчивой только в определенном контексте:

Они вышли за ворота: полковник с четырьмя агентами и Фандорин. Песчаная дорожка в сиянии зари казалась малиновой.

– Я понимаю, почему вы не взяли с собой генерала. Он пыхтит, как паровой к-каток. Но почему только четыре охранника? – с любопытством спросил Эраст Петрович.

– Это лучшие из моих **волкодавов**. Чем меньше людей, тем больше шансов взять Одиссея живьем... Вон она, лимонная роща. Марш вперед, ребята, вас учить не надо. А вы, сударь, птица вольная. Желаете размяться – милости прошу.

Агенты разделились: двое нырнули в кусты слева от дорожки, двое справа. Сам полковник предпочел остаться на месте. Лезть через кусты, рискуя нарваться на пулю, в его намерения не входило. Фандорин подумал-подумал и двинулся вперед. Не для того, чтоб «размяться». Интересно было посмотреть, каковы в деле спиридоновские **«волкодавы»** (Б. Акунин. Черный город, с. 8).

Как показывает вышеописанный анализ смыслообразования знака, изучение «жизни» языковой единицы в художественном пространстве не может быть полным без использования результатов когнитивных исследований.

Следует отметить, что в современной лингвистике проводятся исследования интерпретации смысла знаков в художественном тексте с учетом гетерогенности их смысловых элементов. Например, в ходе изучения интертекстуальных отношений единиц литературных произведений было доказано, что смысловая структура художественного текста – это «полифоническое переплетение» смыслов довербальной и вербальной природы, что образование речевого смысла знака протекает под влиянием как дискурсивных, так и когнитивных факторов (см. [Кузьмина, 1999; Фатеева, 2000] и др.).

Результаты данных исследований подтверждают мысль о том, что наиболее подходящим для получения целостного представления о смысловом структурировании знака в художественном тексте является комплексный, когнитивно-семиологический, подход. Именно этот подход позволяет рассматривать лингвистический знак в неразрывной связи с мышлением и речевой деятельностью, а значение языковой единицы – как семантическую структуру, находящуюся одновременно в корреляционных отношениях, с одной стороны, со своей когнитивной (довербальной) основой и, с другой стороны, со своей дискурсивной реализацией (речевым смыслом) [Декатова, 2009, с. 20–30]. Когнитивно-семиологический подход предоставляет возможность трактовать смыслообразование языковых знаков как сложное взаимодействие когнитивных и семантических структур.

Весьма интересных результатов можно достичь в процессе когнитивно-семиологического анализа смыслообразования повторяющихся в художественном тексте языковых знаков. Модификация их смысловых структур в рамках одного текста позволяет исследовать семиологические особенности содержания знака и оказывающие влияние на их формирование когнитивно-дискурсивные факторы. Так, в повести В. Г. Попова «Чернильный ангел» (1999) неоднократно используется словосочетание **дружба народов** для вербализации разных смыслов. О том, что данное словосочетание является ключевой языковой единицей, которая вербализирует одну из важных для писателя тем межнационального взаимодействия людей в советский и постсоветский период, свидетельствует тот факт, что оно

употребляется в повести более 30 раз с неоднократно модифицированной смысловой структурой. Впервые это словосочетание вводится в текст в эпиграфе: «*Дружбы народов* надежный оплот». Эти строки активируют в сознании читателя не только знание текста бывшего гимна СССР, написанного С. В. Михалковым, Г. Г. Эль-Регистаном и переработанного в 1977 г. С. В. Михалковым, но также целый концепт *ДРУЖБА НАРОДОВ*, ядерные смысловые элементы которого входили в структуру одной из важных идеологем советской эпохи. Частью содержания данного концепта в эпоху существования СССР были положения, отраженные в философском энциклопедическом словаре:

Дружба народов – всестороннее братское сотрудничество и взаимопомощь наций и народностей, ставших на социалистический путь развития; в многонациональных государствах – одна из движущих сил развития социалистического общества; в межнациональных отношениях социалистических стран – основа единства в борьбе за мир, за сохранение и умножение социалистических завоеваний, за торжество идей коммунизма...> В процессе строительства социализма были ликвидированы эксплуататорские классы, преодолены коренные различия в уровнях экономических, политических и культурного развития народов и, т.о., уничтожены корни национальной вражды. <...> С победой социализма была создана однотипная классовая структура всех народов СССР, преодолены вековые национально-этнические предрассудки, отчужденность и враждебность между нациями, утвердилась единая для всех народов марксистско-ленинская интернационалистическая идеология, ставшая идейно-теоретической основой Д. н. Народы СССР спланирует великая сила социалистического патриотизма и интернационализма. Д. н. выступает как подлинное решение национального вопроса, как интернационализм в действии...> Процесс становления и развития Д. н. не происходит стихийно. Пережитки национализма могут возрождаться, если последовательно не бороться против местничества, национального эгоизма, несвоевременно разрешать возникающие неантагонистические противоречия между национальными и интернациональными интересами народов. Укрепление Д. н. – необходимое условие интернационального воспитания трудящихся. В СССР и др. социалистических странах принципы дружбы и братства народов, непримиримость к любым проявлениям местничества, национализма и шовинизма являются одной из основных черт коммунистических мировоззрения и нравственности [ФЭС, 1983, с. 177–178].

Знание содержания концепта *ДРУЖБА НАРОДОВ* оказывается необходимым для понимания смысловой структуры словосочетания *дружба народов*, поскольку его семема не является простой комбинацией сем слов *дружба* – ‘отношения между кем-либо, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов’ и *народы* – ‘нации, национальности, народности’. Смысловые структуры анализируемого словосочетания включают в свой состав элементы, происхождение которых невозможно объяснить без обращения к знанию, организованному в рамках концепта. Так, в одном из микроконтекстов произведения В. Г. Попова сочетание слов *дружба народов* приобретает следующее содержание: ‘идеологические вопросы, связанные с политикой укрепления дружбы и сотрудничества между народами и нациями, входящими в состав СССР, и лагеря социалистических стран’.

За бывшими угодьями Голохвастова, теперь проданными и разрушенными, поднималась другая знаменитая усадьба. Там жил прежде Василий Пуп, советский поэт-классик, переведенный на сотню языков (правда, народов СССР). Пуп тоже не пользовался уважением Кузи, хотя с отцом его

крепко корешился, пока не съехал отсюда. С батей Зиновием часто, бывало, упивались они военными воспоминаниями, хотя Зиновий воевал на флоте, а Пуп был кавалерист. Не оттого ли главная улица поселка называлась Кавалерийской и не потому ли ее никак не хотели переименовывать в улицу Ахматовой? – этот язвительный вопрос Кузя не раз задавал мне, и я не знал, что ответить. Я даже чувствовал себя порой виноватым перед Кузей за это, хотя как раз Кузя, а не я работал одно время при Пупе референтом по **дружбе народов** и сопровождал Пупа на пышные, как было принято тогда, курултай и сабантуи (В. Г. Попов. Чернильный ангел, с. 15).

Смысловые элементы словосочетания **дружба народов** ‘идеологические вопросы’, ‘политика укрепления дружбы и сотрудничества’, ‘народы и нации, входящие в состав СССР’, ‘народы и нации, входящие в состав лагеря социалистических стран’ являются смыслами концептуализированного знания и приобретают языковую объективацию в контексте произведения.

Интересно, что смысловая структура в ряде употреблений словосочетания **дружба народов** формируется не только с использованием фонового концептуализированного знания идейно-теоретических основ национальной политики советского времени. Нередко ядерную часть семемы анализируемого сочетания слов также заполняют смыслы, порожденные в пределах художественного дискурса (ситуацией, событиями, описанными в тексте). Так, именно знание и концепта **ДРУЖБА НАРОДОВ**, и «художественной действительности» (описываемых в произведении событий) позволяет понять речевой смысл словосочетания **дружба народов** в следующих контекстах.

1) Давно, когда дочурка еще в школе училась, было модно дружить со школами всяких-разных республик. И тогда уже, помню, в первый раз я удивился некоторым особенностям национальной политики. Сначала дочурка съездила в гости в их столицу, пожила там в семье у своей ровесницы – очень понравилось. Стали ждать ответного визита. Вымыли квартиру, убрали для девочки, которая должна была приехать, лучшую комнату. И вот рано утром – звонок. Радостно бросаемся к двери – стоит, радостно улыбаясь, толстый усатый мужчина. <...> Да -а, странные обычаи в их солнечной республике – вместо школьниц пузатых дяденек присылать <...> Потом дочка узнала в школе, что, оказывается, во все семьи вместо ожидаемых мальчиков и девочек приехали суровые тети и дяди – и даже, что интересно, не родственники ожидаемых школьников: на расспросы о них не знали, что ответить.

Все эти судороги **дружбы народов** казались мне уже агонией: если происходят такие катаклизмы – вместо школьников приезжают спекулянты, – то дружбе, похоже, долго уже не жить. Но она оказалась живучей! Сменив, правда, шкуру, как змея!

Аурел, короче, здесь до сих пор. На рынке тогда его приняли неласково и даже побили, в результате он запил-загулял, три дня, как рассказывали потом очевидцы, ходил по дымным кабакам в сопровождении музыкантов с визгливыми скрипками... (В. Г. Попов. Чернильный ангел, с. 29).

В приведенном фрагменте произведения словосочетание **дружба народов** называет один из способов реализации национальной политики по укреплению дружеских отношений между представителями разных национальностей – обмен школьниками из разных национальных республик. Смысловые элементы ‘национальная политика’, ‘укрепление дружеских отношений между представителями разных национальностей’ связывают речевой смысл с довербальным знанием, структурированным в рамках концепта **ДРУЖБА НАРОДОВ**. Элементы речевого смысла ‘обмен школьниками из разных республик СССР’, ‘обмен представителя-

ми разных национальностей как разновидность действий в рамках национальной политики’ – смыслы, которые попадают в структуру содержания словосочетания только в художественном дискурсе. Их рождение и встраивание в семему сочетания слов **дружба народов** обусловлены описанием ситуации, в которой оказалась семья героя произведения.

2) И умный Зиновий поставил Кузю заведовать литературными отношениями с республиками Союза. <...> Помню, как я однажды зашел к Кузе в его крохотный кабинетик в Союзе писателей, сел на прорванный кожаный диванчик. Кузя посмотрел на меня с нескрываемой ненавистью: мол, чего зашел? Какое отношение имеешь к делам республик? <...> А вот теперь я это ему и припомнил! Раз он занимается **дружбой народов**, пусть он эту дружбу теперь и расхлебывает! Проще говоря, сохранил же он связи с Аксарбеком Татархановичем и Кабиром Тахировичем, которые были конечно же никакими не секретарями крайкомов или местных союзов писателей, а главами разных там родов, кланов и тейпов – просто назывались тогда так. Так пусть теперь Кузя попросит их, с их авторитетом, повлиять на Очу, моего безответственного жильца, занимающего батину квартиру и высокомерно отказывающегося платить. Может, хоть законы и авторитеты Востока на него подействуют? (В. Г. Попов. Чернильный ангел, с. 23–24).

В данном фрагменте повести словосочетание **дружба народов** приобретает речевой смысл, сочетающий концептуальные смыслы ‘дружеские отношения между представителями республик СССР’ и смысловой элемент дискурсивного происхождения ‘урегулирование отношений’. Последний элемент речевого смысла трудно выявить без знания описанных в произведении «коммерческих» отношений семьи героя с представителями кавказских республик.

Семиологическая история словосочетания **дружба народов** в произведении В. Г. Попова не ограничивается вышеназванным разнообразием смысловых структур. Иногда в повести анализируемый знак приобретает семему, ядро (экплицируемая часть) которых структурируется из смысловых элементов дискурсивного происхождения:

1) **дружба народов** – ‘недружественные отношения и взаимодействия между квартиросъемщиком и хозяином квартиры, являющимися людьми разных национальностей’:

В моем случае **дружба народов** должна выразиться в получении с Очи денежного долга – или выселении. <...> До нашего друга Очи в батинской квартире жил другой сын гор – Хасан. Потом он приютил друга Очи, которого раньше не знал, но, встретив где-то на рынке в затруднительной ситуации, сразу же величественно пригласил к себе (если быть точнее – то к нам!). <...> Вообще на них можно было бы любоваться – если бы не денежный долг. То, с какой горделивой надменностью они держались, вызывало сначала уважение, а после – недоумение: неужели они не понимают, что раз не платишь, надо держаться поскромнее? Отнюдь! Скорее наоборот. Чем больше был долг – тем выше самомнение: мы можем все, нам подчиняются, никто не смеет нам указывать, когда платить, а когда не платить! Мы сами знаем, когда не платить. Никогда.

<...>

– Да... к светлой дружбе имею мало отношения, – сказал я. – И. о. подлеца – вот сейчас я кто в натуре! “Человека на улицу выгоняю”, как верно Кузя сказал.

<...>

Да, к Оче надо подготовиться, на всякий случай валы, редуты и другие земляные укрепления возвести. Оча – это венец нашей многолетней **дружбы народов**, и надо подготовить ему достойную встречу!! Ну хоть какую-то подготовить (В. Г. Попов. Чернильный ангел, с. 32);

2) **дружба народов** – ‘скопление людей, являющихся представителями разных национальностей, выживающих за счет попрошайничества, спекуляции, мошенничества’:

Мы как раз проезжали вокзальную площадь и увидели **дружбу народов** в нынешнем виде и во всей красе. Кроме пестрых цыган и задумчивых кавказцев тут теперь еще носились рваные, но веселые дети с кожей фиолетово-оливкового оттенка... из предгорий Памира? При этом, что странно, с ними не было никаких взрослых. И даже милиция, как сказал Ваня, не могла понять, откуда они. Тем не менее они чувствовали себя здесь довольно уверенно и весело, с воплями и радостными криками накидывались на людей, прося денег, что было понятно без перевода (В. Г. Попов. Чернильный ангел, с. 31–32);

3) **дружба народов** – ‘взаимодействие жены героя и кавказца-квартиросъемщика’:

– О! К нам Оча приехал! – обрадовано воскликнула жена. – Скорей гребни!

За что она любит его? Видимо, за простодушие... зверское простодушие.

<...> Красавица моя гостя дорогого уже к порогу самому подвела... Умница! Главное – его в саклю не пустить, потом его оттуда не выкуришь – уж я-то знаю! <...> Метнулся туда. Притормозить немного **дружбу народов**, раз она такие завихрения дает! (В. Г. Попов. Чернильный ангел, с. 47–50).

Важно подчеркнуть, что лишь на первый взгляд семемы словосочетания **дружба народов** в приведенных выше фрагментах структурируются исключительно из смысловых элементов дискурсивной природы. При более тщательном анализе становится очевидным, что в них сохраняются (хотя и в имплицированном виде) активированные в начале произведения и эксплицированные в смысловой структуре сочетания слов в других частях текста смыслы концепта **ДРУЖБА НАРОДОВ**. Именно это сочетание в пределах одной структуры эксплицированных и имплицированных смыслов, являющееся порой противоречивым, позволяет писателю достичь комического эффекта. Ср., например, смыслы, эксплицированные в ядре семемы употребленного в тексте словосочетания **дружба народов**, и имплицированные смыслы, соотносящиеся с фоновым знанием концепта **ДРУЖБА НАРОДОВ** (см. таблицу).

В ходе анализа смыслообразования знака в пространстве художественного текста немаловажно обратить внимание на смысловую организацию микроконтекста (высказывания), в состав которого входит исследуемый знак. Так, выявление ряда элементов речевого смысла словосочетания **дружба народов** возможно в процессе анализа содержания его лингвистического окружения. Например, употребление анализируемого словосочетания в разной дистрибуции приводит к экспликации разных элементов в его смысловой организации:

1) **заниматься дружбой народов** – ‘заниматься *вопросами* урегулирования и установления дружеских отношений между представителями республик СССР’: *Раз он занимается дружбой народов, пусть он эту дружбу теперь и расхлебывает!*;

Соотношение смысловых элементов знака *дружба народов*
в произведении В. Г. Попова «Чернильный ангел»
и структур советского концепта *ДРУЖБА НАРОДОВ*
Correlation of the semantic elements of the linguistic unit “druzhba narodov”
 (“fraternity of peoples”) in the literary text “Chernil’nyy angel” (“Ink angel”)
by V. G. Popov and structures of the Soviet concept “Druzhba Narodov”
 (“Fraternity of peoples”)

Речевой смысл знака <i>дружба народов</i>	Смысловые структуры концепта <i>ДРУЖБА НАРОДОВ</i>
Дружба народов – ‘недружественные отношения и взаимодействия между квартиросъемщиком и хозяином квартиры, являющимися людьми разных национальностей’.	«Дружба народов – всестороннее братское сотрудничество и взаимопомощь наций и народностей. В процессе строительства социализма были <...> уничтожены корни национальной вражды» [ФЭС, 1983, с. 177–178].
Дружба народов – ‘скопление людей, являющихся представителями разных национальностей, выживающих за счет попрошайничества, спекуляции, мошенничества’.	«В процессе строительства социализма были ликвидированы эксплуататорские классы, преодолены коренные различия в уровнях экономических, политических и культурного развития народов, <...> преодолены вековые национально-этнические предрассудки, отчужденность и враждебность между нациями» [ФЭС, 1983, с. 177–178].

2) *специалист по дружбе народов* – ‘специалист по проблемам укрепления дружеских отношений между представителями разных национальностей’: *Кто тут у нас специалист по дружбе народов?*;

3) *опыт дружбы народов* – ‘опыт взаимодействия с людьми другой национальности’: *Так что некоторый опыт “дружбы народов”, а также ее прекращения у меня есть;*

4) *вклад в дружбу народов* – ‘вклад в развитие и поддержание дружеских отношений между людьми разных стран и народов’: *Присуждается за творческий вклад в дружбу народов... в наши дни;*

5) *с дружбой народов стало хуже* – ‘перестали уделять должного внимания, поощрять деятельность, связанную с реализацией государственной политики укрепления и развития дружеских отношений между представителями народов республик СССР’: *Потом, когда с дружбой народов стало хуже, Пул вынужден был продать эту дачу Ване – пришла иная пора, теперь уже песню Вани знали и любили от Львова до Камчатки – и что характерно, безо всякого перевода и др.*

Важно отметить, что во всех вышеприведенных фрагментах проявляется ироническое отношение автора к советскому идеологическому клише – *дружба народов*. Это оказывается возможным вследствие того, что в художественном тексте в смысловой структуре данной единицы сочетаются смыслы идеологемы и смысловые элементы, формирующиеся в рамках макроконтекста (текста в целом) и микроконтекста (высказывания).

Таким образом, анализ модификации содержания словосочетания *дружба народов* в произведении В. Г. Попова «Чернильный ангел» подтверждает мысль

о том, что в структурировании речевого смысла знака участвуют смысловые элементы разной природы: 1) элементы фонового концептуализированного знания; 2) элементы знания смысловой структуры текста в целом (знание смысловой структуры художественного дискурса); 3) элементы системного значения лексем. Исследование комбинирования, организации этих элементов в процессе употребления языкового знака в пространстве художественного текста может приблизить к пониманию механизмов взаимодействия языковой и концептуальной систем в дискурсивном пространстве. Применение когнитивно-семиологического подхода в ходе данных исследований позволяет по-новому взглянуть на смыслообразование языкового знака, рассматривая его в динамике как процесс изменения виртуальных значений языковых знаков в дискурсивном пространстве под воздействием сложных речемыслеиспытательных процессов.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф.* Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестник СамГУ. 2006а. № 5/1 (45). С. 102–110.
- Алефиренко Н. Ф.* Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. Волгоград, 2006б. 228 с.
- Бабенко Н. Г.* Оказиональное в художественном тексте: Структурно-семантический анализ. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 83 с.
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта, 2009. 495 с.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Белова Н. А.* Филологический анализ художественного текста: реализация интеграции лингвистического и литературоведческого подходов в школе. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2008. 205 с.
- Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста. М.: Флинта, Наука, 2009. 520 с.
- Виноградов В. В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
- Высоцкий В., Высоцкая В.* Дрессировка отечественных волкодавов. М.: Аквариум-Принт, 2004. 192 с.
- Гак В. Г.* Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М.: МГПИ им. Ленина, 1972б. 218 с.
- Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики, 1971. М.: Наука, 1972а. С. 366–395.
- Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода. М.: Академ. проект, 2004. 368 с.
- Декатова К. И.* Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации: когнитивно-семиологический аспект исследования. Волгоград: Перемена, 2009. 260 с.
- Колчина О. Н.* Семасиологический и ономасиологический подходы к изучению языковой личности // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 3. С. 332–335.
- Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического текста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 268 с.
- Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худож. лит., 1974. 283 с.
- Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 14–285.
- Никитин М. В.* Лексическое значение (структура и комбинаторика). М.: Высш. шк., 1983. 127 с.
- Новиков А. И.* Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.

- Палмер Д.* Породы собак. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 80 с.
- Панченко Н. В., Качесова И. Ю., Комиссарова Л. М., Чувакин А. А., Земская Ю. Н.* Теория текста. М.: Флинта, Наука, 2010. 132 с.
- Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Степанов Ю. С., Эдельман Д. И.* Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира / Отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1976. С. 203–281.
- Тураева З. Я.* Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.
- Уфимцева А. А.* Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики). М.: Наука, 1986. 240 с.
- Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
- Черняховская Л. А.* Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 117–126.
- Шанский Н. М.* Лингвистический анализ стихотворного текста. М.: Просвещение, 2002. 224 с.

K. I. Dekatova

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russian Federation, dekatovaki@mail.ru*

**Cognitive and semiological approach to the study of meaning making of linguistic units
in a literary text**

This paper is devoted to the description of the meaning-making process of linguistic units in a literary text. The results of the study are shown, indicating the synergy of cognitive and semantic structures in discursive literary space. The cognitive-semiological approach used in this study allows analyzing the processes of semantic structuring of a language sign taking into account the peculiarities of its semantic modifications, the specifics of the content of the conceptual structure verbalized by the sign, as well as the influence of context on cognitive and semiological processes in the course of the formation of the sign content in a literary text. When applying the approach concerned, the author studies the meaning-making of the idiom “druzhiba narodov” (“fraternity of peoples”) that is used repeatedly in “Chernil’nyy angel” (“Ink angel”) by V. G. Popov. The semantic structure of this idiom is formed in different contexts under the influence of various cognitive factors, such as the content of the Soviet concept of “Druzhiba Narodov” (“Fraternity of peoples”), knowledge about the manifestations of friendly relations between representatives of different nationalities in everyday life. This knowledge becomes a source of basic semes of phraseological meaning. However, the semantic core of sememes changes in the different parts of the literary text, influenced by a macro-context (discourse) and a micro-context (linguistic distribution of an idiom). Sometimes, in “Chernil’nyy angel,” the idiom concerned acquires sememes, the core (the explicit part) of which is formed from semantic elements of discursive origin. In addition, the use of the analyzed idiom in a variety of distributions leads to different elements being explicit in its semantic organization. Studying the combination and organization of these elements in the process of using the linguistic unit in the space of literary text can contribute to understanding the mechanisms of interaction between the linguistic and conceptual systems in the discursive space.

Keywords: meaning-making, literary text, semiological analysis, concept, discourse.

DOI 10.17223/18137083/71/23

References

- Alefrenko N. F. Kognitivno-semiologicheskaya teoriya slova [The cognitive-semiological theory of the word]. *Vestnik of Samar State University*. 2006a, no. 5/1 (45), pp. 102–110.
- Alefrenko N. F. *Yazyk, poznanie, kul'tura: kognitivno-semiologicheskaya sinergetika slova* [Language, cognition, culture: cognitive-semiological synergetics of a word]. Volgograd, 2006b, 228 p.
- Babenko N. G. *Okkazional'noe v khudozhestvennom tekste: Strukturno-semanticheskyy analiz* [Occasional in a literary text: Structural-semantic analysis]. Kaliningrad, Kaliningrad univ., 1997, 83 p.
- Babenko L. G., Kazarin Yu. V. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of literary text]. Moscow, Flinta, 2009, 495 p.
- Barthes R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected texts. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, 1989, 616 p.
- Belova N. A. *Filologicheskyy analiz khudozhestvennogo teksta: realizatsiya integratsii lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo podkhodov v shkole* [Philological analysis of literary text: implementation of integration of linguistic and literary approaches in school]. Saransk, MRSU Publ., 2008, 205 p.
- Bolotnova N. S. *Filologicheskyy analiz teksta* [Philological analysis of text]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009, 520 p.
- Chernyakhovskaya L. A. Smyslovaya struktura teksta i ee edinitsy [Semantic structure of the text and its units]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1983, no. 6, pp. 117–126.
- Fateeva N. A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts]. Moscow, Agar, 2000, 280 p.
- Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical encyclopedic dictionary]. L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov (Eds). Moscow, Sov. entsikl., 1983, 840 p.
- Gak V. G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki [To the problem of semantic syntagmatic]. In: *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. 1971, Moscow, Nauka, 1972a, pp. 366–395.
- Gak V. G. Povtornaya nominatsiya i ee stilisticheskoe ispol'zovanie [Secondary nomination and its stylistic use]. In: *Voprosy frantsuzskoy filologii* [Topics in the study of French Philology]. Moscow, MGPI im. Lenina, 1972b, 218 p.
- Greimas A. *Strukturnaya semantika: poisk metoda* [Structural semantics: searching for a method]. Moscow, Akadem. proekt, 2004, 368 p.
- Dekatova K. I. *Smysloobrazovanie znakov kosvenno-proizvodnoy nominatsii: kognitivno-semiologicheskyy aspekt issledovaniya* [The sense structuring of indirect-derivative nomination marks: cognitive-semiological aspect of research] Volgograd, Peremena, 2009, 260 p.
- Kolchina O. N. Semasiologicheskyy i onomasiologicheskyy podkhody k izucheniyu yazykovoy lichnosti [Semasiological and onomasiological approaches to the study of linguistic personality]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2010, no. 3, pp. 332–335.
- Kuzmina N. A. *Intertekst i ego rol' v protsessah ehvolyutsii poeticheskogo teksta* [Intertext and its role in the evolution of the poetic text]. Ekaterinburg, UrFU Publ., Omsk, OmSU Publ., 1999, 268 p.
- Larin B. A. *Estetika slova i yazyk pisatelya* [The aesthetics of words and language of the writer]. Leningrad, Khudozh. lit., 1974, 283 p.
- Lotman Y. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text] In: *Ob iskusstve* [About the art]. St. Petersburg, Iskusstvo, 1998, pp. 14–285.
- Nikitin M. V. *Leksicheskoe znachenie (struktura i kombinatorika)* [Lexical meaning (structure and combinatorics)]. Moscow, Vyssh. shk., 1983, 127 p.
- Novikov A. I. *Semantika teksta i ee formalizatsiya* [The text semantics and its formalization]. Moscow, Nauka, 1983, 215 p.
- Palmer D. *Porody sobak* [Breed of dogs]. Moscow, Eksmo-Press, 1999, 80 p.
- Panchenko N. V., Kachesova I. J., Komissarova L. M., Chuvakin A. A., Zemskaya J. N. *Teoriya teksta* [The theory of a text]. Moscow, Flinta, Nauka, 2010, 132 p.
- Saussure F. *Kurs obshchey lingvistiki* [The course of general linguistics]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 256 p.
- Shanskiy N. M. *Lingvisticheskiy analiz stikhotvornogo teksta* [Linguistic analysis of the poetic text]. Moscow, Prosveshchenie, 2002, 224 p.

Stepanov Y. S., Edel'man D.I. Semiologicheskii printsip opisaniya yazyka [Semiological principle of the description of language]. In: *Printsipy opisaniya yazykov mira* [The Principles of description of languages of the world]. V. N. Yartseva, B. A. Serebrennikov (Eds in ch.). Moscow, Nauka, 1976. pp. 203–281.

Turaeva Z. Ya. *Lingvistika teksta: (Tekst: struktura i semantika)* [Text linguistic (Text: structure and semantics)]. Moscow, Prosveshchenie, 1986, 127 p.

Ufimtseva A. A. *Leksicheskoe znachenie (printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki)* [Lexical meaning (principle of semiological description of lexicon)]. Moscow, Nauka, 1986, 240 p.

Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected works. About the language of fiction]. Moscow, Nauka, 1980, 360 p.

Vysotskiy V., Vysotskaya V. *Dressirovka otechestvennykh volkodavov* [Training of domestic wolfhounds]. Moscow, Akvarium-Print, 2004, 192 p.